Вестник Томского государственного университета
Культурология и искусствоведение. 2013. №2 (10)

УДК 130.2

И.В. Сохань

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ РИТОРИКИ УТОПИЙ И АНТИУТОПИЙ[1]

В статье анализируются гастрономические сюжеты утопий и антиутопий. Пища рассматривается как способ связи человека и власти, как возможность контроля и трансформации его идентичности. Утопии и антиутопии предложили актуальный сегодня образ пищи и гастрономических практик – его многочисленные характеристики позволяют утверждать, что появилась пища-симулякр. Она воздействует на человека посредством соблазна (особой практики «мягкого» насилия) и создает новый тип телесности, сознания, существования – экзистенциально пустой.
Ключевые слова: *утопия, антиутопия, гастрономическая культура, пища, симулякр.*

Гастрономическая культура выступает одним из способов эффективного дисциплинирования человека, образуя особый дискурс репрезентации власти в утопических сюжетах (классических социальных утопиях – «Государство» Платона, «Утопия» Т. Мора, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Город Солнца» Т. Кампанеллы) и в антиутопических произведениях («О новый дивный мир» О. Хаксли, «1984» Д. Оруэлла, «Мы» Е. Замятина, «Сахарный Кремль» В. Сорокина). Гастрономические сюжеты здесь инвариантны, формируют единую картину значения практик потребления пищи, отражающую возможности проникновения власти в человека с целью тотального изменения его идентичности. Эвристичность обращения к жанру утопии и антиутопии заключается в том, что, именно его художественное пространство позволяет увидеть и вывести в область философской аналитики ключевые паттерны гастрономической культуры как одной из базовых социальных практик, представленной в качестве сюжета утопического программирования, лежащего в основе утопической гиперреальности. В отношении же антиутопических произведений можно утверждать, что они, как и литература в целом, не просто фиксируют символику гастрономического как антуража в рамках создаваемого эстетического пространства, но и с помощью художественных средств отражают его скрытый дисциплинарный порядок.

В целом в пространстве художественного произведения образы пищи могут выполнять самые различные функции, репрезентируя специфику телесного бытия и выражая экзистенциальные оттенки существования, но на страницах утопий и антиутопий пище придается именно дисциплинарное и коммуникативное значение – как базовой форме телесной связи индивида и коллектива, человека и осуществляемой над ним власти. При этом можно отметить, что пища будущего как пища некоего идеального мира несет в себе ряд инвариантных характеристик – максимальная очищенность от природного содержания (как инициирующего грубые переживания телесности и сознания, свя-

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0001.

занные с практиками удовольствия); искусственный состав как следствие научных и технических достижений; максимальная функциональность, которая отражает новый режим существования тела, его актуальный эстетический и этический порядки; опрощение гастрономического этикета.

Следует заметить, что исследование гастрономической культуры и гастрономических практик – тема достаточно новая для гуманитаристики в связи с отсутствием как сложившейся методологической традиции, так и серьезных теорий гастрономической культуры, которые уже можно было бы считать базовыми. В целом феномен гастрономического представлен в направлении междисциплинарных исследований, получивших название food studies[1] и возникших, несомненно, в ситуации крайней проблемности гастрономических практик, которой, в ряду всего спектра повседневных практик существования, не уделялось серьезного внимания со стороны научной рефлексии. Действительно, феномен гастрономического обычно видится наиболее случайным и нерелевантным магистральным задачам человеческого существования, а ведь именно в кажущейся незначимости и поверхностности гастрономических практик и заключается их значимость в качестве одного из базовых регуляторов жизни. В исследованиях гастрономической культуры, безусловно, важнейшей представляется способность еды быть носителем культурных значений – ее техническая и символическая составляющие, которые заслуживают не только бытующего описательного подхода – пусть даже в его историческом, культурологическом или социологическом ключе, но именно философской концептуализации.

Значение гастрономических практик становится очевидным в ситуации, когда они по своей значимости выносятся за пределы частного существования и становятся предметом внимания власти, которая видит их уже как средство влияния на человека и его перестройки в соответствии со своими целями. Впервые в таком ключе о гастрономической культуре речь идет на страницах перечисленных выше классических утопий – в каждой из них говорится о необходимости реконструкции повседневных практик, в том числе и о реконструкции гастрономического пространства с целью его очищения от традиционного подхода, сформированного культурной традицией и соединяющего пищу и получение базового удовольствия от существования в этом мире. Авторам утопий трапеза видится коллективистским действием, организованным властными структурами и дополнительно объединяющим его участников, в том числе и как поле трансляции информации от опекающего государства – информации, которая входит в человека наилучшим образом – вместе с поглощаемой пищей и в рамках властной заботы, эту пищу обеспечивающей.

[1] В последние два десятилетия XX в. относительно случайные попытки анализа гастрономического с точки зрения разных областей гуманитарного знания сложились в единое исследовательское направление, получившее название food studies, ставшие третьим этапом анализа гастрономической культуры. Food studies объединяют историков, антропологов, этнографов, психологов, социологов, экономистов – все это указывает на то, что пища является феноменом, необходимо требующим комплексных исследований, которые стали возможными именно после того, как отдельные сферы знания продемонстрировали свои ограниченные возможности концептуализации гастрономического.

Характерными чертами классической утопии являются пространственная изолированность, отсутствие исторического времени, урбанизм, регламентация и коллективизм существования, идея окончательности построенного формата общества. Но представленные в классических утопиях повседневные практики (именно гастрономическая) как средство установления новой политической, экономической, социальной и культурной реальности практически не подвергались критическому осмыслению. А между тем эти практики, и особенно гастрономическая, выступают способом онтологической реконструкции человека, вплоть до кардинального изменения его базовых антропологических характеристик, что и является целью тоталитарной власти. Основная стратегия гастрономического дисциплинирования – это регламентация удовольствия, связанного с реализацией бессознательного. Пафос утопического реконструирования базируется на идее о том, что чрезмерность удовольствия, равно как и его недостаточность, пагубно сказываются не только на самом индивиде, но и приводят к негативным трансформациям его потребностей, а это неизбежно влечет социальные и экономические проблемы[1]. Поэтому гастрономические практики не отдаются в пространство их частной, а значит, стихийной и произвольной, по мысли авторов утопий, регламентации, но переходят под надзор рациональной и всеведущей власти, которая способна обеспечить реализацию практик потребления пищи с точки зрения объективных, научно обоснованных и, самое главное, обеспечивающих абсолютный контроль, принципов, ибо новый порядок «...координируется эмпирическим освоением законов...» [1. С. 140].

Но если в классических утопиях реконструкция гастрономической сферы прописана четко и прочитывается легко и прямолинейно, то в текстах антиутопий гастрономические практики видятся по-другому – в доведенной до экстремума, а значит неизбежно абсурдной, логике событий, в ситуации некоторой иронии над ними – становится очевидной их способность быть средством наиболее непосредственного выражения на телесном уровне и языке бытия, особой, тоталитарной логики. Наконец, обнаруживается их связь с современными проблемами и многочисленными перверсиями культуры еды. В современном мире, переживающем эффект деконструкции традиционных антропологических структур, гастрономические практики также трансформируются – таким образом, что открывается их обычно латентная, но именно сейчас становящаяся наиболее очевидной роль в формировании идентичности человека. Появление новых пищевых хорроров[2]; девальвация трапезы как устойчивого топоса воспроизводства социальной и культурной идентичности человека; эксплуатация пищевой символики в качестве средства соблазна и искушения в дискурсе СМИ и рекламы; появление культурно нейтрального

[1] Еще в «Государстве» Платона сформирована идея о началах войны, неизбежно возникающей в ситуации отсутствия регламентации потребностей, к чрезмерности которых так склонен человек в силу слабости своей природы. Избыточная экономика удовольствия напрямую связана с ростом потребностей и структур, их обеспечивающих: для человека и общества, не желающих удовлетвориться малым и необходимым, неизбежно состояние войны как конечным образом репрезентирующего зло излишества, совершенно неаутентичного истинной природе человека.

[2] Традиционным пищевым хоррором был голод, ныне же все возможные пищевые хорроры сводятся к страху нарушения идентичности неконтролируемым содержимым пищи — как материальным, так и символическим.

типа пищи фаст-фуд, становящегося приоритетным способом питания в условиях глобализации и урбанизации; разрушение архетипической связи женщины с домашним очагом, неотвратимо меняющим традиционный гендерный порядок культуры, – это лишь немногие из процессов, происходящих в сфере гастрономического. Но одним из самых актуальных процессов следует признать реализацию власти, монополизирующей повседневные практики и таким образом устанавливающей там свой тоталитет, захватывающий и подчиняющий человека.

Итак, пища оказывается средством реализации властного контроля – и в утопиях, и в антиутопических проектах конструируется пища, соответствующая необходимым параметрам, – искусственная (как результат научного познания и достижения абсолютной власти над природными ресурсами); изобильная (ликвидация голода и достижение всеобщей сытости также опирается на ресурсы научно-технического прогресса и правильной государственной политики распределения); унифицированная (среди кулинарного разнообразия приоритетной видится пища как таковая, с выраженными субстанциональными качествами); медикализированная (пища как лекарство и в принципе ее возможность обрасти дополнительными значениями, так как изначальный культурный статус пищи виделся понижающим в силу ее связанности с базовым чувственным удовольствием).

Определенная ирония заключается как раз в том, что в современном обществе неуклонно осуществляется движение именно к такого рода пище, о которой грезили авторы утопий (например, в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона речь идет как раз о медикализации еды: «…не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготовляются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства» [2. С. 512], которая приобретает дополнительные качества лекарственных препаратов и именно в таком виде оправдывает себя как источник и носитель культурных значений для телесности) и предупреждали авторы антиутопий (полигормональное печенье и витаминизированная эрзац-говядина из романа «О новый дивный мир» О. Хаксли).

Пища выступает языком, раскрывающим определенные смыслы наиболее подспудно и непосредственно и в то же время апеллирующим к универсальному опыту тела – переживанию ежедневного воплощения в данной именно так, а не иначе эмпирической реальности. Практики потребления пищи оказываются тем коммуникативным пространством, в котором все субъекты коммуникации предстают перед друг другом в своем подлинном виде – какое бы утаивание не происходило, гастрономический язык и его логика обнаруживают агентов коммуникации как говорящих только правду – так как на его уровне происходит артикуляция не столько сознательных целей и установок, сколько бессознательного намерения. С помощью пищи происходит установление и особой иерархической структуры, универсальной по своему характеру и преодолевающей определенную ограниченность сексуального как языка власти.

Еще Ш. Фурье в утопии «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти» (более распространенное название этого произ-

ведения – «Страна Гармония») отмечал, что всевластие гастрософии (гастрономической мудрости, институциализированной в пространстве его утопического проекта), подчиняет всех людей, в отличие от эротики, которая властвует в ограниченном возрастном диапазоне: «Можно ли предположить, чтобы Бог считал пороком страсть, которой он дал больше всего власти? (ибо никак нет страсти, более общегосподствующей над народом») [3. С. 500]. При таком социальном строе, как гармония (приходящем на смену цивилизации), гастрономия выступит главной движущей силой равновесия страстей. Все стадии гастрономического (предкулинарная, собственно кулинарная и собственно гастрономическая, представленная как совокупность разнообразных практик потребления пищи) будут образовывать так называемые трудовые серии и обеспечивать сцепление занятий, т.е. взаимосвязь трудовой деятельности всех граждан. Характерно, что на страницах утопии Ш. Фурье снова актуализируется мысль о необходимости соединения гастрономии и медицины, или усиления медикалистского дискурса гастрономических практик: «Совершенно новым поприщем была бы... медицина вкуса. Эта медицина будет отраслью науки, именуемой гигиенической гастрософией» [3. С. 514]. Новый гастрономический порядок призван отрегулировать проявление страстей, захватывающих человека, прежде всего страсти чревоугодия, и, перераспределить их потенциал в более конструктивном, как для общества, так и для индивида, русле.

Таким образом, практики потребления пищи оказываются дисциплинирующим механизмом, потенциально превращающим индивидуальную телесность в телесность, которая становится средством бытийствования власти. В отдельных и редких социально-исторических исследованиях [4] возможность использования дисциплинирующего потенциала гастрономических практик получила название кормовой функции власти, и, действительно, любая власть (и максимально – тоталитарная) стремится присвоить себе распределяюще-кормовую функцию, потому что это:

1) возможность наиболее непосредственной, на телесном уровне, трансляции своих значений, когда кормимый получает от кормящего не только пищу материальную, но и идеологическую[1];

2) контроль на витальном уровне, на уровне подтвержде-ния/отрицания жизни;

3) формирование желаемых антропологических характеристик – с минимальным разнообразием индивидуального и с максимумом воспроизводства стандартных характеристик коллективного;

4) возможность максимальной онтологизации власти, когда она обретает себя в телесном пространстве человека – так, по существу, человек становится средой существования власти.

Поэтому власть так интересуется гастрономическим и сама становится источником его регулирования, как точно на языке художественного произ-

[1] Проблема идентичности пищевого и ментального метаболизма и сходства механизмов кормления и усвоения идеологии была исследована Перлзом в работах «Эго, голод и агрессия», «Внутри и вне помойного ведра». К анализу пищевого опыта индивида как к источнику формирования устойчивого паттерна взаимодействия с миром обращается ряд других крупных психоаналитиков, в их числе М. Кляйн, Дж. Франкл.

ведения выражает эту идею Е. Замятин в «Мы»: «Много невероятного мне приходилось читать и слышать о тех временах, когда люди жили еще в свободном, т.е. неорганизованном, диком состоянии. Но самым невероятным мне всегда казалось именно это: как тогдашняя – пусть даже зачаточная – государственная власть могла допустить, что люди жили без всякого подобия нашей Скрижали, без обязательных прогулок, без точного урегулирования сроков еды...» [5. С. 89]. Достигнутая в Едином Государстве победа над голодом есть результат появления нефтяной пищи, которая заменила собой все привычные ранее человеку продукты (и пусть при этом выжило только 0,2 % населения земного шара, это нормальная цена за очищение, за то, что исчезает разрыв между реальным и идеальным и реальное исчезает в идеальном). Чистота, очищение, семантически совпадающие с пустотой, означают свободу человека от всяческой детерминации, кроме доминирующего властного дискурса, сведенного к линейной рациональности и ценности существования всеобщей прозрачной структуры, в которой нет ни развития, ни потенциала, ни противоречий, ни жизни. Телесная чистота, появляющаяся в результате приема правильной пищи и соответствующего режима питания, предшествует и является основой онтологической пустоты, позволяющей произвести замену уникального человеческого содержания – на «нумер», тождественный всякому другому «нумеру».

Так, конструирование нового человека – первичная идея для всякой утопической реальности – невозможно без идеи телесного перерождения, реализуемой посредством изменения гастрономических стратегий. Власть чувствует себя недостаточной, если не влияет на практики потребления пищи, контролируя и регулируя их, крайний вариант такого регулирования – это лагерный режим питания, чему уделяется много внимания в мемуаристике бывших заключенных ГУЛАГа[1] (впрочем, это уже предмет другого исследования). Такое внимание к голоду обусловлено его положением в иерархии потребностей: являясь базовой, потребность в пище делает ее универсальным транслятором любых значений. В случае тоталитарной реконструкции реальности эти значения приобретают жесткий идеологический ракурс: и пища становится носителем властных смыслов – тоталитарная власть входит в человека на самом непосредственном телесном уровне.

Особого внимания заслуживает сквозная для утопий и антиутопий тема – трансформация пищи с удалением ее природных значений (природной субстанциональности) и установлением ее искусственного происхождения, связанного с несколькими причинами:

– возможностями научного познания (проблема голода решена посредством изобретения хлеба из нефти, как, например, пишет Е. Замятин в «Мы»);

– необходимостью накормить всех – также, по словам Е. Замятина, может быть уничтожена извечность войны, инициирующейся голодом и борьбой за хлеб;

[1] Например, «Путешествие в страну зэка» Ю. Марголина, «Побег из ГУЛАГа» В.Чернавина, произведения В. Шаламова, т.е. те источники, в которых документальное и высокая степень рефлексии над ним актуализированы более, нежели выражающая его художественная форма.

– необходимостью соответствия между новым статусом человека – и пищей, которую он потребляет и которая воспроизводит его идентичность – человеку-нумеру полагается другой человек-нумер, отмечено в «Мы». Но человеку-нумеру полагается и соответствующая пища – собственно, не пища как таковая в своем первичном онтологическом смысле, но ее симулякр – например, хлеб, произведенный из нефти. Абсурдность такой еды отражает и абсурдность существования того, кто ее ест, – насколько сущностью человека является свобода, настолько человек-нумер оказывается античеловеком, настолько в нем человеческое отрицает само себя, постулируя своей сущностью не свободу, а жесткую подневольную схематичность существования.

Так, магистральной стратегией является кардинальное изменение состава пищи – преодоление ее природного содержания посредством научно обоснованных технологий. В классических утопиях наиболее полно такая картина представлена в произведении Ф. Бэкона «Новая Атлантида».

В «Новой Атлантиде» обнаруживается гастрономический проект, базирующийся уже на полностью научных основаниях[1] – речь идет о пище как лекарстве, что достигается в некотором роде сильным трансформирующем воздействии на пищу (практически пищевыми технологиями): «Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготовляются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделываем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов, или из древесных соков и сердцевины тростника. Напитки эти выдерживаются – иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса; причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба» [2. С. 513].

Наукообразность гастрономического проекта Бэкона очевидна еще и в желании наградить продукты и приготовляемую из них пищу дополнительными значениями, как лекарственными, так и содержательно-вкусовыми, что и отражает присущую утопии веру в научное преобразование природы, возможное во всех сферах: «Особенно стараемся мы изготовлять напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим....Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное голодание, и есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотней и тверже, и силы прибывают необычайно». [2. С. 513]. В «Новой Атлантиде» гастрономические практики мыслятся полностью контролируемыми наукой, что и позволяет автору утопии пофан-

[1] До абсурдного этот проект идентичен псевдонаучным построениям касательно реформирования гастрономической культуры советского человека, имевшим место в 1920-е гг.

тазировать на тему гастрономического будущего, и следует признать, что некоторые из фантазий сегодня обрели воплощение (искусственная пища, способы ее консервации), но полное господство над природой, как и достижение вечной молодости посредством соответствующего режима питания, по-прежнему остается утопическим идеалом. Однако «знание, абсолютизированное Бэконом, продолжает неустанно демонстрировать силу. Россыпи благих открытий искрятся манящим светом, перемежаясь с пожарами разрушительных катастроф, в особенности когда человек смело берется переписывать книгу природы» [1. С. 45].

Гастрономический режим жителя утопии носит инвариантный практически для всех утопий характер и выражается в общественной иерархизированной трапезе, где пища распределяется статусно, и стремлении к медикалистскому дискурсу в гастрономии, так как последний мыслится воплощением рационального подхода к телесности. Власть заботится о равномерном распределении удовольствия, контролируя избыточность или недостаточность потребления. Формирование коллективной телесности является одной из задач всякой общественной трапезы, но в условиях отсутствия выбора предпочтительного формата трапезы и инициированного извне распределения пищи индивид усваивает характеристики коллективной телесности как обязательный стандарт телесности вообще – абсолютной целью тоталитарной культуры еды является полное отчуждение индивидуальной телесности как тела желаний в пользу тоталитарной власти и дисциплинирование человека жесткими стандартами практик, применяемых для поддерживания его функционирования в рамках коллективной телесности.

Очевидно, что главной целью таких модификаций оказывается преимущественно актуализация функционального значения пищи и ликвидация остальных значений, вариативность которых связана с формированием траектории индивидуального, частного – в противовес коллективному и тотализующему. Эта тенденция представлена и в дискурсе антиутопий – во всех упоминаемых здесь произведениях (кроме «Сахарного Кремля» В. Сорокина) пища оказывается максимально видоизмененной согласно научным технологиям и маркирующей тем самым изменившийся статус человека. На первый взгляд этот статус выглядит как некоторые изменения/улучшения телесности – прививание ей технологических параметров в соответствии с растущей техногенностью окружающей среды. Но, в сущности, это указывает на необходимое нарушение традиционных антропологических качеств человека и, следовательно, качественные нарушения его экзистенциальных возможностей.

Врагом гастрономической культуры является голод, так как в его условиях невозможно ее развитие. Однако техногенное нормирование пищи также купирует любые возможности гастрономического развития – пища сводится к материальному субстрату с ограниченным набором вкусовых прививок для удовлетворения вполне ограниченных потребностей человека. В антиутопии «О новый дивный мир» герой говорит: «Нет, не нужен мне мучной суррогат из синтетического крахмала и пакли… Пусть суррогат питательней, не надо». Но полигормональное печенье и витаминизированую эрзац-говядину ему все-таки всучили. Тьфу, цивилизованная гадость! полигормональные пряники» [6. С. 202]. Когда отметается возможность пищи быть источником удовольст-

вия и заменяются ее кулинарные, вкусовые характеристики однобокой медикализацией как результатом научного прогресса, в пище остается онтологическая пустота, связанная с тем, что утрачивается ее роль медиатора, материального носителя сложных культурных значений. В пище как субстрате, при деградации ее культурного поля, обнажается ее самый низший, природный слой – возможность быть кормом и возможность воспроизводить базовую, но однобокую коммуникативную структуру, заключающуюся в связи кормящего и кормимого. По своей сути эта структура есть структура применения власти, ее осуществления на повседневном уровне. Поэтому научно обоснованная деградация культурного статуса пищи – ее трансформация в гастрономический эрзац – прекрасно отражает роль еды как корма, как средства установления связи между властью и теми, кого она кормит.

В российской истории кормление властью народа было вполне институциализированным актом – от царских подач до так называемой кремлевки. Это определило и специфику российской политической культуры, когда отношения с властью не опосредованы законодательством, но сакрализированы и поэтому требуют особой внутренней вовлеченности и жертвенности. В антиутопии В. Сорокина «Сахарный Кремль» фигура сахарного кремля символизирует дар власти, получение которого сопровождается сакральным актом явления лика государя на облаках и падением даров прямо с неба – многочисленные коробочки с фигурками сахарного Кремля «дети России» подбирают под слова заботы и благословения, извергаемые ликом вместе с подарками: «Празднично было вечером в семье Заварзиных: поставили сахарный Кремль на стол, зажгли свечи, разглядывали, разговоры вели. А потом достал папаша молоточек да и расколол Кремль на части – каждую башню отдельно. А Марфушенька башни кремлевские родным раздавала: Боровицкую – отцу, Никольскую – маме, Кутафью – деду, Троицкую – бабке. А Оружейную башню на семейном совете решили не съедать, а оставить до рождения братика Марфушиного. Пусть он ее съест, да сил богатырских наберется. Зато стены кремлевские, соборы и колокольню Ивана Великого сами съели, чаем китайским запивая… Веки смыкая, забирает Марфуша орла двуглавого в рот, кладет на язык, посасывает. Засыпает счастливым сном. И снится ей сахарный Государь на белом коне» [7. С. 44–45]. В поедании сахарного кремля принципиально удовольствие едоков – немаловажно, что это именно сахарная, сладкая пища, традиционно ассоциирующаяся с удовольствием и имеющая эротические коннотации. Власть хочет, чтобы индивид не просто зависел и был подконтролен, но и наслаждался контактом с властью, которая теперь выступает для него в новом статусе – обеспечивая режим доступа к особому наслаждению.

Произведением, выбивающимся из установленных здесь рамок понимания гастрономического, является уже упомянутая утопия Ш. Фурье «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти», где уделяется особое внимание гастрономической сфере – принцип наслаждения в обществе, где эффективно организован общественный труд и достигнуто равенство полов, должен стремиться к экстремуму, ибо именно в таком виде реализует человеческую природу в ее самом свободном виде: «...в обществе царит

изобилие, и в целях общего согласия необходимо не просто разнообразить наслаждения, но предаваться любому из них с полным самозабвением» [8. С. 153]. Голод как враг всякой гастрономической культуры, поскольку он ставит под вопрос само ее существование, анализируется Ш. Фурье как следствие неравноценного распределения ресурсов вследствие существования паразитов, коих выделяется три класса – паразиты домашние, социальные, а также побочные или дополнительные. Женщины, дети и прислуга отнесены им к домашним паразитам, вследствие чего (но не только из-за этого) автор утопии категорически настаивает на обобществлении домашней кухни – ему рисуется образ некоей общественной печи, кормящей всех нуждающихся и не терпящей подле себя индивидуальной хозяйки.

Частное пространство существования видится автором утопии как топос перверсивного производства и реализации желания – в то же время только в открытом общественном дискурсе оно обретает полноценную природу наибольшего соответствия человеческой сущности. Выведение частного желания в общественную сферу прежде всего означает его вступление в поле общественного контроля. Отличие утопии Ш. Фурье от тоталитарных утопий в этом смысле минимальное – в тоталитарных утопиях частное желание выводится в область общественного контроля для его канализации под глобальные общественные задачи; у Фурье это необходимо потому, что в его гармоническом обществе гастрономия является главной из наук[1] и предлагает человеку уже открытые и одобренные ею формы максимальной реализации его желания.

Фурье пытается реабилитировать чревоугодие: «Можно ли предположить, чтобы Бог считал пороком страсть, которой он дал больше всего власти? (ибо никак нет страсти, более общегосподствующей над народом»)) [3. С. 500]. В силу этого обстоятельства гастрономическая страсть может являться основной движущей силой, обеспечивающей социальное равновесие, – при доступности гастрономических ресурсов для всех (а не только для бездельников, пишет Фурье, критикуя современное ему общество). Дело в том, что для так называемых бездельников гастрономическое удовольствие выступает самоцелью, в этом смысле неизбежно санкционируя грех чревоугодия, в то время как гастрономия в гармоническом обществе характеризуется открывающимися через нее возможностями объединения[2], познания и регламентированного удовольствия. Гурманство должно стать наградой[3] тому, кто трудится и производит ощутимые для общества результаты труда: «…гурманство больше не является вознаграждением безделья, а представляет собой награду труда, ибо беднейший земледелец принимает здесь участие в потреблении ценных предметов питания» [3. С. 501].

---

[1] Гастрономия является главной из наук, а любовь – высшим из искусств. Административная же власть, также представленная в гармоническом обществе, занимается вопросами распределения благ, так как только при их наиболее правильном распределении в обществе возможен экстремум реализации желания для каждого конкретного его гражданина.

[2] Фурье употребляет термин «сцепление».

[3] Эта идея близка к известному принципу *кто не работает, то не ест*; однако в последнем случае речь идет не о гурманстве, а о возможности быть накормленным.

Привитое каждому человеку гурманство должно, по логике Фурье, привести к требованиям высочайшего качества не только продуктов, но и труда – как любого труда, так и конкретных видов труда, ведущих к производству и приготовлению. Утонченность должна быть востребована во всех сферах жизни, настаивает философ-утопист, противопоставляя страну Гармонию современному строю цивилизации, где утонченность является прерогативой эстетических форм восприятия, реализуемых преимущественно в искусстве. Если при цивилизации гастрономия близка к излишествам, то при новом общественном строе она становится мудростью, связывая всех со всеми и называясь гастрософией[1] – гастрономической мудростью, которая является основой социальной механики. Стремясь продемонстрировать вездесущность гастрономического, Фурье щедро вводит новую терминологию, говоря о гастроглупости[2], медицине вкуса или гигиенической гастрософии[3], прикладной гастрономии[4].

Таким образом, в утопическом проекте Ш. Фурье обнаруживается наиболее полное и внимательное изложение принципов гастрономического в том его качестве, в каком оно способно послужить установлению и поддержанию нового социального строя. При этом автор этого неоднозначного проекта преодолевает присущую другим утопиям инструментальность гастрономического, видя его по сути индивидуальной формой заботы-о-себе, которая при надлежащем мудром ориентировании со стороны общества способствует установлению всеобщего счастья, выступая доступной каждому формой телесного познания реальности на основании единения всех со всеми.

Сегодняшняя ситуация с гастрономическими практиками, конечно, не может быть прочитана только через призму утопического либо антиутопического проекта, но тем не менее содержит в себе многие их предположения, отражающие определенную логику гастрономического и его значение как в установлении властного контроля над человеком, так и в возможностях его качественного преобразования. Помимо рассмотренных здесь аспектов, определяющих современную гастрономическую культуру, важной представляется следующая проблема – пища перестает быть одним из способов заботы человека о себе. Скорее, она сама становится соблазном, искушением, зовущим к перманентному потреблению – это возможно как раз в ситуации потери гастрономическим своего аутентичного содержания, ведь принципиальная логика соблазна – это пустота. Только пустота соблазняет – пустая пища-симулякр с присвоенными ей рекламным дискурсом значениями претендует на то, чтобы заменить ими и содержание человека – деконструировать не только тело, но и наполнить сознание навязчивыми идеологемами. Если традиционная власть управляла посредством открытого насилия, угрожая лишением/отнятием бытия у индивида, то сегодня с помощью пищи-симулякра и

[1] Типологизация внутри гастрософии следующая: она состоит из гастрономии, кухни, консервирования и земледелия.

[2] Понимаемой как производство ради выгоды плохих продуктов и их покорное употребление теми, кто не может сделать иного выбора.

[3] Понимаемой как лечение определенной едой, т.е. диетой.

[4] Как способ инициировать интерес к определенным видам труда или способствовать установлению добрых отношений между людьми.

присущих ей гастрономических практик появилась возможность иного способа контроля – при котором происходит отчуждение бытия, подмена его пустотой – пища-симулякр порождает и остальные эрзацы существования.

Литература

1. *Шадурский М.И.* Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 140.

2. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Сочинения. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 574 с.

3. *Фурье Ш.* Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти: Избр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 3. С. 500.

4. *Кондратьева Т.М*. Кормить и править. М.: РОССПЭН, 2006. 208 с.

5. *Замятин Е.* Уездное. Мы : романы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 237 с.

6. *Хаксли О.*О дивный новый мир. М.: ТЕРРА-Книжный круг, 2002. 624 с.

7. *Сорокин В.* Сахарный Кремль. М.: Астрель: АСТ, 2008. 349 с.

8. *Пас О.* Стол и постель // Поэзия, критика, эротика. М.: Изд-во CEU PRESS, 1996. С. 153.